

Врачебные [секреты]

Ирина Градова

ДИАГНОСТИКА
УБИЙСТВА

Ирина Градова
Диагностика убийства
Серия «Врачебные секреты»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4575272
Градова И. Диагностика убийства: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60502-6*

Аннотация

Молодая врач-психотерапевт с экзотическим именем Индира и думать забыла о своем индийском происхождении, когда с ней связался адвокат с известием о смерти ее отца, знаменитого в Индии врача, практикующего традиционную ведическую медицину. Индира – единственная наследница огромного состояния покойного, а также сети клиник аюр-веды. По приезду в Агру Индира выясняет, что вместе с наследством ей досталась куча родственников, каждый из которых имел на него определенные виды. Большой скандал разгорелся вокруг новой клиники отца Индиры, она стала лакомым кусочком для бандитов, местных продажных чиновников и полицейских. Медицинское учреждение построено практически на «золотой» земле, и многие готовы на все, чтобы не допустить его открытия у стен символа любви и верности – великолепного Тадж-Махала...

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Диагностика убийства

Пролог

Икбал Сунамджи в третий раз обходил клинику по периметру, потом он пойдет в сторожку смотреть матч по крикету – хотя бы вторую половину. Доктор Варма еще в своем кабинете, но это нормально: за девятнадцать лет работы в клинике Икбал ни разу не видел, чтобы доктор покидал ее раньше десяти. Хотя однажды это все-таки произошло – в день, когда погиб его старший сын Аамир. Но, за исключением этого, ритуал не менялся. Доктор Варма гасил свет в своем кабинете без десяти десять, и тогда Икбал знал, что можно расслабиться и выпить чаю с молоком под аккомпанемент ток-шоу Вира Ананда, начинавшегося в половине одиннадцатого. Но сегодня – крикет, и ничто не сможет помешать Икбалу выяснить, кто сильнее – англичане, привезшие игру в Индию, или индийцы, оказавшиеся прилежными учениками.

Еще раз взглянув на часы, Икбал поцокал языком: этот человек – настоящий трудоголик. Оно и понятно, ведь сеть собственных клиник дает доктору Варма отличный доход, здесь лечатся звезды Болливуда, местные богачи и иностранцы. И дело расширяется! Икбал краем уха слышал, что доктор строит еще одно здание где-то в районе Тадж-Махала – там, откуда собираются согнать всех бедняков, сровняв их хижины и мастерские с землей. Сестра просила закинуть удочку насчет племянника: не найдется ли там какой-нибудь должности? Наверняка что-нибудь образуется, ведь на новом месте всегда полно работы, а племянничку, слава Аллаху, двадцать шесть стукнуло – хватит на материнской шее сидеть!

Свет в окне доктора Варма продолжал гореть, и Икбал уныло взглянул в сторону своей каморки: похоже, плакали они оба – и чай с молоком, и крикетный матч! Внезапно раздался тихий, но отчетливый хлопок, словно где-то лопнула крышка. Икбал не сразу сообразил, что звук донесся не с улицы, а сверху, из кабинета доктора. Окно там было приоткрыто, и занавески, раздуваемые свежим вечерним ветром, колыхались снаружи. Почуввав неладное, Икбал перевесил ружье со спины на грудь и быстрым шагом направился к входу в клинику. Несмотря на свои шестьдесят, он одним махом преодолел лестничный пролет и оказался прямо напротив кабинета доктора. Дверь была распахнута настежь, и это было неправильно. Неправильным было и то, что охранник увидел внутри. При взгляде на расprostертое посреди кабинета стройное тело хозяина в костюме от Армани Икбал вскрикнул и отшатнулся. Ему не требовалось приближаться, чтобы понять, что Пратап Варма мертв: положение тела и лужа крови, растекающаяся вокруг головы доктора, говорили, что помощь ему вряд ли потребуется. Икбал кинулся к окну в надежде увидеть того, кто это сделал. Однако в темноте мало что удавалось разглядеть, а фонари, щедро расставленные у фасада, плохо освещали эту часть внутреннего двора и сада. Тем не менее Икбал снял с плеча ружье и пальнул в пустоту – просто для очистки совести. Потом он вернулся к хозяину и, опустившись на колени, попытался все же пощупать пульс – чем, как говорится, черт не шутит? Но, как и предполагалось, доктор уже отошел. Тяжело вздохнув и пробормотав короткую молитву за упокой души невинно убиенного, Икбал потянулся к стоящему на столе телефону.

* * *

Сидящая передо мной девушка походила скорее на подростка, нежели на взрослую, сформировавшуюся женщину. Судя по истории болезни, ей исполнилось двадцать три года,

но даже удовлетворительный рост не сглаживал впечатления от ее исключительной худобы. Девушка расположилась напротив окна, и солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь приоткрытые жалюзи, создавали впечатление полной прозрачности ее тела, как будто передо мной находился бестелесный дух, а не существо из плоти и крови. И голос у этой Марины Афанасьевой оказался под стать внешности – тихий и надтреснутый, словно шелест осенней листвы. Ее привела мать. Кому еще могут быть интересны такие проблемы, кроме как ближайшим родственникам; кто еще станет беспокоиться, уморит ли девушка себя голодом?

Если бы я была обычным психологом, в моем арсенале имелись бы лишь слова. К счастью, я – клинический психолог, а это означает, что я могу реально помочь несчастной. Коллеги со смехом утверждают, что я, мало отличаясь телосложением от большинства своих клиенток, вызываю у них доверие. Вот как вышло, что, несмотря на то что могла бы работать с самой разнообразной клиентурой, я в основном специализируюсь на больных анорексией. Марина согласилась на визит к специалисту лишь потому, что у нее не было кавалера, и девушку пугала перспектива остаться одной. Беда в том, что женщины на этой стадии болезни теряют связь с реальностью и не понимают, что проблема женского одиночества никак не связана с комплекцией. Я – живое тому подтверждение. В мире хватает полных женщин и мужчин, счастливых в любви и семейной жизни. Точно так же много и худых привлекательных представителей обоих полов, вынужденных обходиться без «своей половины». Таковы реалии современной жизни, и именно это мне предстояло постепенно объяснить Марине. Я по опыту знала, что первые сеансы – самые трудные. Женщины сопротивляются лечению. То, что они видят в зеркале, на самом деле не соответствует восприятию окружающих, но убедить их в этом почти невозможно. Каждый раз, принимая новую пациентку, я внутренне содрогаюсь, пытаюсь оценить ее шансы на выживание. Людям, никогда не сталкивающимся с подобной проблемой, она может показаться несерьезной. Большинство мужчин, включая некоторых моих коллег-психологов и психиатров, считают анорексию блажью, которая при желании легко преодолима, но это отнюдь не так. Анорексия – такая же болезнь, как шизофрения или МДС[Маниакально-депрессивный синдром.], и вырваться из ее тисков без помощи специалиста практически невозможно. Если человека с таким диагнозом оставить наедине с самим собой, он не выживет. Марина казалась мне трудной пациенткой. И ее ответ на мой вопрос, почему она отказывается от еды, это доказывал:

– Потому что я ТОЛСТАЯ!

Я вешу пятьдесят два килограмма при росте в сто семьдесят девять сантиметров, но Марина выглядела, по меньшей мере, в два раза тоньше меня. Да, случай тяжелый, как я и предполагала. А ведь я предупреждала Антона Никифоровича, нашего главврача, чтобы больше не присылал ко мне пациенток: я и так зашиваюсь! Но что делать, если человеку срочно требуется помощь? Как я могу отказать этой девчонке, которая легко загубит собственную жизнь, а заодно и мамашу утащит за собой в могилу? Вот и выходит, что я работаю без выходных и праздников, а Антон Никифорович еще каждый божий день интересуется, когда будет гулять на моей свадьбе – какая, к черту, свадьба, если я не успеваю даже уборку в квартире сделать?!

Негосударственный медико-психологический центр «Авиценна», в котором я работаю вот уже семь лет, поначалу занимался только стоматологией и пластической хирургией. Впоследствии его владелец решил расширить сферу услуг, в результате чего возникла приставка «психологический», и я стала одним из первых клинических психологов, принятых на работу во вновь открывшееся отделение. За прошедшие годы я заслужила определенную репутацию, и все, включая нашего главного, прочат меня на место заведующей, как только наш прежний отправится на покой. Не знаю даже, хочу ли, но если это будет означать хоть немного меньше работы с клиентами и чуть больше времени на себя, то, пожалуй, стоит задуматься!

Подавив глубокий вздох и, как я надеялась, лучезарно улыбнувшись, я обратилась к пациентке:

– Давайте-ка попытаемся найти истоки вашей проблемы, Марина. И начнем мы с вопроса: кто вам сказал, что вы *толстая*? Вы сами так решили или...

* * *

В моем кабинете телефона нет, как и в большинстве кабинетов моих коллег. На время сеансов я отключаю даже сотовый, так как звонки отвлекают пациентов, а в нашей профессии непредвиденный перерыв на несколько секунд может уничтожить месяцы работы. Поэтому я не удивилась, когда по окончании очередного сеанса в дверь просунулась голова Тимура. Тимур – наш администратор и исключение из общих правил: тогда как в большинстве клиник на этой должности работают симпатичные девушки в коротких юбках, призванные привлекать клиентов своим внешним видом, мы гордимся Тимуром, одновременно являющимся компьютерным гением, слесарем, электриком и секретарем каждого из двадцати специалистов клиники в одном лице. Его внешний вид можно назвать слегка нетрадиционным. У парня длинные волосы, которые он, из уважения к нам, одетым в деловые костюмы, собирает в хилый хвостик на затылке, но на этом его «офисный» прикид заканчивается. Тимур носит кроссовки известных марок и невероятных цветов, драные джинсы и пиджаки спортивного покроя на пару размеров больше необходимого, отчего они свободно болтаются на его высоком, костлявом теле. Несмотря на то что облик Тимура не соответствует занимаемому месту, пациенты от него без ума, как и мы все: если бы не этот парень с мозгом Эйнштейна и руками нейрохирурга во всем, что касается техники, мы бы, попросту говоря, пропали! Так вот, именно его голова просунулась в проем двери в половине первого и провозгласила:

– Тебя к телефону!

Несмотря на разницу в возрасте (Тимуру двадцать четыре), мы с самого начала на «ты», и это кажется нам совершенно естественным. Произнося свою реплику, Тимур одновременно протягивал мне трубку беспроводного телефона.

– *Адвокат* какой-то! – многозначительно выкатывая глаза, добавил он.

– Адвокат?

В самом деле, у меня нет ни одного знакомого адвоката, поэтому странно слышать, что кому-то из представителей этой профессии понадобилась я!

– Индира Пратаповна Варма? – раздался в трубке приятный голос в ответ на мое «алло?». Я подтвердила, все еще недоумевая по поводу звонка адвоката. Однако так как он стал первым человеком в моей жизни, не исковеркавшим мое имя, я решила, что он, по меньшей мере, заслуживает быть выслушанным. – Меня зовут Егор Балашов, я адвокат и представитель фирмы «Баджпай и сыновья».

– Какой фирмы?

– Это индийская адвокатская контора в Дели.

– Индийская?

Я чувствовала себя глупо, постоянно переспрашивая, но разговор казался мне странным.

– «Баджпай и сыновья», – продолжал между тем адвокат, – поручили мне разыскать вас в связи с одним деликатным делом, о котором я не могу говорить по телефону. Когда вам удобно подъехать в мой офис, Индира Пратаповна?

Вот, он снова произнес мое имя – без единой ошибки. Что ж, все равно придется его разочаровать:

– К сожалению, у меня очень плотный график, Егор... – я подняла интонацию, рассчитывая услышать отчество, но он сказал:

– Просто Егор, если не возражаете.

– Ну, тогда я – просто Индира, – усмехнулась я в трубку. – Тем не менее в ближайшее время я занята...

– А у вас обеденный перерыв имеется? – прервал он меня.

– В половине третьего.

– Отлично! Предлагаю вместе пообедать и обсудить наше дело. Идет?

Я освободилась позже, чем рассчитывала, но Егор терпеливо ждал меня в кафе за углом, где я назначила встречу. Он оказался невысоким стройным молодым мужчиной, одетым в классический коричневый костюм, безупречно отутюженный, с жесткими стрелками на брючинах. Загар, явно приобретенный в солярии в это время года, подчеркивал яркость вдумчивых темно-карих глаз. При виде меня он приподнялся в приветствии.

– Я так вас себе и представлял, – улыбнулся он, демонстрируя белоснежные виниры.

– В самом деле? – удивилась я.

– Вы поймете – в свое время. А пока что, Индира, присаживайтесь: я взял на себя смелость сделать заказ. Надеюсь, вы не вегетарианка?

– Ни в коем случае! – ответила я, усаживаясь.

За годы работы в «Авиценне» я перепробовала в этом кафе все блюда, поэтому не боюсь отравиться.

– У меня для вас две новости – хорошая и плохая, – сказал Егор, складывая ладони на клетчатой скатерти.

– Начните с плохой, – предложила я.

– Хорошо. Ваш отец, Пратап Варма, скончался.

Это известие не всколыхнуло во мне никаких чувств. В последний раз я видела отца в шесть лет. Дело было в аэропорту, куда он примчался, пытаясь остановить нас с мамой. Та сцена почти стерлась из моей памяти, но осадок от нее, неприятный и болезненный, остался. Тогда дело едва не закончилось дракой, и я до сих пор помню, что еще несколько лет мама порой вздрагивала при каждом телефонном звонке: она опасалась, что отец попытается отобрать меня у нее. Наблюдая мою реакцию – вернее, ее отсутствие, Егор произнес:

– Я вас понимаю: отец ушел из вашей жизни давно, поэтому новость о его смерти не может опечалить. И все же, поверьте, я имею право утверждать, что Пратап Варма был вам не таким уж плохим родителем. Он оставил вам наследство, которое оценивается примерно в восемьдесят миллионов долларов.

Я сидела, словно приколотенная к стулу, и только появление официанта с подносом, шумно водрузившего на стол тарелки и бутылку воды «Перье», доказало, что это не сон. Тем не менее врожденная осторожность не позволяла вот так просто довериться незнакомому человеку. Егор, казалось, читал меня, как открытую книгу.

– Ваши опасения абсолютно справедливы, – кивнул он. – Уверяю, я не пытаюсь вас дурачить: у меня есть все бумаги, тщательнейшим образом оформленные и переведенные на русский язык. Они нотариально заверены как нашей, так и индийской стороной.

Но я не так проста, как, возможно, полагает этот хлыщ!

– И сколько мне придется заплатить, чтобы получить все это *бешеное* состояние? – поинтересовалась я.

– Нисколько, – спокойно ответил адвокат. – Я же говорю, что меня наняла фирма, поэтому от вас требуется только одно: отправиться в Индию и вступить в права наследования.

– И только-то! – хохотнула я, делая огромный глоток из бокала и едва не подавившись водой, так как пузырьки газа ударили мне в нос.

– Я вижу, вы все еще мне не верите, – констатировал Егор. – Это понятно – такой шок... На самом деле на моей практике это первый случай, когда речь идет о столь большой сумме. Давайте сделаем так: вы все как следует обдумаете и позвоните, когда будете готовы обсудить детали. Еще раз повторяю, это – не шутка и не розыгрыш, и вы на самом деле являетесь богатой наследницей. *Единственной* наследницей, заметьте!

– Неужели у... отца нет других детей? – с усилием разомкнув губы, спросила я.

– Есть, – ответил адвокат. – И мне неизвестно, чем руководствовался мистер Варма, составляя завещание. Возможно, адвокаты из «Баджаи и сыновья» знают больше? Когда вы поедете в Агру, несомненно, они посвятят вас в подробности, а пока что – вот, – и он положил на стол блестящую золотом визитную карточку со своим именем и телефонами, добавив: – Звоните в любое время! А теперь предлагаю закончить обед.

Егор управился гораздо быстрее меня и откланялся, сославшись на обилие дел, а мне кусок в горло не лез. Я думала, что обстоятельства моего рождения и годы, проведенные в Индии, остались в далеком прошлом, но появление адвоката как будто задело далеко запрятанные воспоминания, заставив их всплыть на поверхность. Оказалось, что помню я не так уж и мало; странная штука – человеческий мозг!

* * *

Естественно, я не могу помнить своего рождения, но мама рассказывала, что это произошло в одной из частных клиник Дели. На этом настаивал отец: он желал, чтобы его первое дитя появилось на свет в самых лучших условиях. Отец был уже не молод, как, в сущности, и моя мама: ему под пятьдесят, а ей недавно стукнуло сорок три. Для обоих этот брак являлся первым. Что касается мамы, это объяснимо, так как она была директором музыкальной школы и вращалась исключительно в женском коллективе. О детях до определенного возраста она не задумывалась, так как считала своими всех учеников, посещавших вверенное ей заведение. Мама с отцом познакомились на концерте. В филармонии выступали *ее* дети, а его привели коллеги, желая продемонстрировать все, что только есть замечательного в Северной столице. Но самой значительной достопримечательностью отец счел именно мою маму. Ведь Людмила Христофоровна Мысенко отличалась привлекательной наружностью – натуральная блондинка славянского типа: у нее были темные брови и ресницы и яркие серые глаза. От мамы я унаследовала цвет глаз и белую кожу. Все остальное, полагая, досталось мне от отца. Темные выходящие волосы (только у меня они длинные и спускаются ниже талии), высокие скулы, слегка выдающийся вперед подбородок, нос... Нос – это отдельный разговор: мама говаривала, что из-за того, что он тонкий и довольно длинный я, когда злюсь или нервничаю, раздуваю ноздри, словно призывая лошадь на пути к финишу. Губы мне никогда не нравились – они слишком тонки, хотя рот большой, «как у лягушонка» – тоже мамино сравнение (она была строга в отношении моего внешнего вида). Мама была высокой, но любила каблуки (и в этом мы с ней похожи!), одевалась со вкусом и обладала потрясающим тембром голоса – низким, вибрирующим, обволакивающим. В этот голос хотелось закутаться, словно в теплое пуховое одеяло, и мама рассказывала, что не стала певицей только потому, что этого не хотели ее родители. Они считали пение несерьезным занятием и требовали, чтобы она приобрела «настоящую» профессию. И мама последовала их совету: жаль, что они так и не успели увидеть, каких высот в своей профессии ей удалось достичь. Короче говоря, папа пал к ее ногам, как спелый плод манго – его же собственное сравнение, если верить маме. Семья отца была очень состоятельной. Мама не вдавалась в подробности – она вообще не любила разговаривать на «индийскую» тему. Из всего семейства отец стал первым, получившим высшее образование. Его отправили учиться сначала в Лондон, потом в Штаты. Окончив университеты, отец устроился работать в хоро-

шую клинику. В то время, когда родители поженились, отец жил только на свое жалованье, но само собой разумелось, что, являясь единственным ребенком, он рано или поздно унаследует все активы семьи. Бедная моя мама, она не представляла себе, что ожидает ее в далекой стране! Нет, она не подверглась остракизму со стороны индийской родни – совсем наоборот, к ней относились, как к хрустальной вазе. Ей запрещали любую работу: если маме взбрело в голову взять тряпку и вытереть пыль со стола, к ней с громкими воплями неслась одна из служанок и выхватывала «неподобающий предмет» прямо у хозяйки из рук. Странное дело, но, позабыв очень многое, я отчетливо запомнила один эпизод. По-моему, была весна. Погода стояла отличная, я играла на полу в гостиной, а мама, моя деятельная мама, не привыкшая сидеть без дела и постоянно занятая работой в России, маялась от безделья. Дом будто вымер: слуги отправились на какой-то из многочисленных праздников, и она вознамерилась вымыть окна, показавшиеся ей недостаточно чистыми. Натянув джинсы и старую футболку (этот стиль одежды в семействе Варма считался неприемлемым даже для домашнего ношения), мама влезла на подоконник и с наслаждением предалась труду. Как назло, окно выходило не во двор, а на улицу, и ее заметил кто-то из знакомых. Отец ворвался в дом, потрясая кулаками. Я так испугалась, что начала плакать, и родителям пришлось на время отвлечься от скандала, чтобы утихомирить дитяtko. Оказывается, весь сыр-бор случился из-за того, что папе донесли о маминых «эскападах» на подоконнике. Когда она недоуменно поинтересовалась, что же, собственно, за преступление совершила, отец пояснил, что «жене такого большого, уважаемого человека, как доктор Варма, не пристало заниматься черной работой, для коей существуют слуги!» Мама была возмущена и долго после этого отказывалась разговаривать с мужем. В тот раз, однако, гроза прошла стороной. Тем не менее день за днем в окружении индийского менталитета мама приходила к мысли о том, что ей не место в Индии. Каждый ее шаг тщательно контролировался – не из ревности, а потому, что существовали определенные *правила*, обязательные к соблюдению «всеми уважающими себя индийскими женами». Каждый ее поступок непременно обсуждался всеми соседями, знакомыми и даже знакомыми знакомых – русская «жена уважаемого доктора Варма» являлась отличной темой для того, чтобы почесать языками. Бесконечные сплетни, ссоры с отцом, его отказ позволить ей найти хоть какое-нибудь место работы – все это привело к тому, что в один далеко не прекрасный день мама собрала вещи, выкрала свой паспорт из бюро мужа и рванула в аэропорт. Она не воспользовалась личным водителем, тем не менее отец как-то прознал о нашем отъезде и примчался туда за десять минут до посадки. До сих пор в ушах у меня стоят его вопли, хоть я, убей, не помню, что именно он кричал. Я снова, по-моему, принялась рыдать, мама и другие пассажиры, ожидающие рейса, успокаивали меня, а охраннику аэропорта пришлось вызвать подмогу, чтобы вывести отца из здания. Этим, да еще мамиными страхами перед связями бывшего мужа и его желанием заполучить меня назад, и исчерпывались мои воспоминания о господине Пратапе Варма. И вот теперь, спустя столько лет, папа внезапно вспомнил о моем существовании – просто в голове не укладывается! Вспомнил не потому, что ему понадобилась помощь, или оттого, что он на склоне лет осознал абсурдность своего поведения в отношении мамы, а потому, что решил напоследок облагодетельствовать меня большим наследством. И как, спрашивается, я должна реагировать? Наверное, следует прыгать до потолка и бросать в воздух чепчик, но почему-то особого восторга мне эта новость не доставила.

Через силу доев ставший безвкусным остывший бифштекс, я потопала в клинику, размышляя над тем, стоит ли задумываться о беседе с адвокатом Егором или забыть обо всем и продолжать жить, как привыкла. В конце концов, я же не собираюсь ехать в Индию – нет уж, ни за какие коврижки! – так чего зря мозги баламутить?

* * *

Я сидела, скрестив ноги и нацепив на лицо сочувственное выражение, чтобы пациентка, не дай бог, не заподозрила меня в равнодушии. Знаю, это непростительно для врача, но врач – такой же человек, как и все остальные, и он не может не думать о проблемах, занимающих его самого. Лариса, одна из моих давних пациенток, увлеченно рассказывала о том, как буквально заставила себя съесть завтрак из половинки яйца и веточки петрушки на кусочке ржаного хлеба, а я думала о вчерашней встрече с адвокатом.

– ...а он говорит, что не может смотреть на мученическое выражение моего лица – *мученическое*, представляете? Это я не в состоянии видеть, как он уминает тонны еды – всех этих кур, коров и свиней, запивая их литрами пива!

На лице пациентки было написано такое возмущение, что я попыталась как-то соответствовать и поджала губы: несмотря на то, что я не слышала и половины ее жалоб, занятая размышлениями, нельзя, чтобы Лариса это заметила.

– Мне кажется, он меня бросит, – вдруг сказала девушка, и ее худенькое личико с острым подбородком сжалось в несчастную гримасу.

– Почему вы так решили?

Святое правило психоанализа – никаких советов. Пациент должен сам пытаться найти выход из создавшегося положения, а моя задача – лишь направлять его. Проблема в том, что Лариса ходит ко мне не потому, что желает избавиться от своего недуга – анорексии, а потому, что нуждается в повышении собственной самооценки. Несмотря на то, что такие люди твердо убеждены, что в лечении не нуждаются, у них, как правило, очень низкое мнение о собственной персоне. Собственно, в этом-то и кроется корень зла: женщины начинают худеть, садятся на строгую диету, чтобы самосовершенствоваться, но некоторые из них не в состоянии вовремя остановиться. Главная угроза состоит в том, что, как бы сильно ни похудела больная, она не видит изменений.

– Я нашла чужую помаду на его воротничке! – понизив голос до шепота, ответила на мой вопрос Лариса. – И он стал задерживаться после работы!

Ну, насчет первого ничего сказать не могу, а вот второе вполне объяснимо: когда живешь с женщиной, которая не выносит вида еды, стараешься питаться вне дома. Что, если парень после работы ходит в ресторан, чтобы создать у партнерши иллюзию того, что нуждается в пище так же мало, как и она сама?

Мне давно следовало отказаться от работы с Ларисой и передать ее другому специалисту: к сожалению, вынуждена признать, что она – одна из самых больших моих неудач. Вместо того чтобы говорить об анорексии и о том, как с ней бороться, мне приходится большую часть времени заниматься личными проблемами пациентки, но улучшения в ее состоянии не наступает. Как я ни старалась, мне так и не удалось пробиться сквозь стену, воздвигнутую Ларисой между ее диагнозом и всем остальным миром. Потеря надежды – последнее дело для клинического психолога, но я сейчас близка к этому как никогда. С другой стороны, имею ли я право бросать Ларису наедине с ее бедой?

Когда она, наконец, покинула кабинет, я вздохнула с облегчением: есть люди, в обществе которых я ощущаю невероятное напряжение. А мне еще предстоял невероятно длинный день и общение с десятком пациенток!

* * *

Я собиралась уходить, когда в дверь постучали. Тимур уже ушел, и во всем здании оставался только охранник. В его обязанности не входило докладывать о визитах посетителей.

– Войдите! – пригласила я, недоумевая, кто бы это мог быть.

К моему удивлению, это оказался адвокат Егор Балашов. Вместе с ним в кабинет вошел невысокий, полноватый мужчина с лоснящейся лысиной в окружении редких седых волос. Вопреки этому борода незнакомца была иссиня-черной, кожа отливала бронзой, под глазами – набухшие мешки, а дорогой костюм и ботинки указывали на то, что человек он весьма состоятельный. И, несомненно, иностранец.

– Индира, здравствуйте, – бодро поприветствовал меня Егор. – Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе: мне пришлось привлечь «тяжелую артиллерию»! Знакомьтесь, это – мистер Винод Баджпай, глава фирмы «Баджпай и сыновья», о которой я вам говорил, помните?

– Д-да, – пробормотала я, еще не вполне справившись с неожиданностью, – это та фирма, которая занимается наследством моего отца?

Вконец закрутившись на работе, я почти забыла о Егоре и наследстве, тем более что не вполне поверила во всю эту ситуацию из сказок «Тысяча и одной ночи». И вот он здесь, да еще и какого-то индуса приволок!

– Не знаю, говорите ли вы по-английски... – начал Егор, но я прервала его:

– Говорю, и неплохо.

– Отлично! – обрадовался Егор. – Потому что господин Баджпай гораздо лучше обрисует вам ситуацию с наследством – из первых рук, другими словами. Well? Mister Bajpai, – обратился он к своему спутнику, – we can start as Miss Varma speaks English all right[Ну, мистер Баджпай, мы можем начинать, так как мисс Варма хорошо говорит по-английски.].

– Отлично! – просиял индус, до сих пор сохранявший сосредоточенное выражение лица: так ведут себя глухие или те, кто внезапно попадает в иноязычную среду. Они знают, что ничего не поймут, но напрягают все органы чувств, надеясь хоть что-то уловить, прочитывать смысл сказанного по позе говорящего и его мимике.

– Вы так похожи на старшую миссис Варма! – добавил между тем Баджпай. – Просто одно лицо: когда вы приедете в Агру, уверен, вам еще миллион раз скажут то же самое.

Я кивнула, размышляя над его словами. Интересно, он сказал «когда вы приедете в Агру», а не «если вы приедете» – откуда такая уверенность?

– Егор, – продолжал адвокат, – сообщил вам о том, что ваш отец, господин Варма, оставил наследство, но я хочу в общих чертах обрисовать, что именно в него входит.

– Я так поняла, что деньги?

– Не только. Видите ли, самой важной частью завещания является сеть аюрведических клиник в нескольких крупных городах Индии... Вы в курсе, что такое аюрведа, мисс Варма?

– Кажется, что-то из нетрадиционной медицины?

– На самом деле в переводе с санскрита, где «аюр» – «принцип жизни» и «веда» – знание, так называется традиционная система индийской медицины, основывающаяся на философской системе санкхья.

Я сидела с умным лицом, но для меня слова Баджпай звучали немногим понятнее китайской грамоты. Он это заметил и рассмеялся.

– Поверьте, мисс Варма, – сказал он, – хоть я и коренной индеец, но и для меня, пока я тридцать лет назад не познакомился с вашим отцом, аюрведа являлась лишь понятием из словаря! Теперь я знаю чуточку больше. Просто для вашего сведения: аюрведу в наши

дни практикуют примерно триста пятьдесят тысяч зарегистрированных врачей, она изучается в Индии под общим руководством Центрального совета по исследованию древнеиндийской медицины, который включает национальную сеть научно-исследовательских институтов. Таким образом, вы можете видеть, насколько серьезно относятся к этому направлению на вашей родине! В городе Джамнагар, штат Гуджарат, основан университет, где готовят специалистов. Есть несколько фармацевтических предприятий, которые производят лекарства аюрведы под контролем правительства. В Индии и Шри-Ланке специалисты учатся в течение пяти с половиной лет и сдают государственный экзамен, получая степень бакалавров аюрведической медицины и хирургии.

– Хирургии? – переспросила я.

– Да-да, – закивал Баджпай. – Всеобщее заблуждение состоит в том, что аюрведу относят только к терапии, но там есть не менее важная хирургическая составляющая, и ваш папа был отличным хирургом: он пользовал многих актеров, причем не только индийских, но и зарубежных – они специально приезжали в Индию, чтобы лечиться у него! Вот как раз об этих клиниках и идет речь: лишившись господина Варма, они стали как бы бесхозными.

– Разве в них нет главврачей или хотя бы управляющих? – спросила я.

– Естественно, есть, – подтвердил адвокат. – Но управляющие – не хозяева. Единственной *владелицей* всего этого богатства по завещанию являетесь вы. Господин Варма совершенно определенно указал, что вы получите все его состояние только в том случае, если лично приедете в Индию и примете дела.

– Приму дела?! – воскликнула я, подпрыгнув на стуле. – Да я же ничегошеньки не смыслю в этой вашей аюрведе! Кроме того, я не говорю на хинди, понятия не имею об индийских обычаях и... И я вообще никуда не собираюсь: вся моя жизнь и врачебная практика – здесь!

– В завещании господина Варма не сказано, что вы должны проживать в Индии постоянно, – заметил Баджпай. – Вы вполне сможете руководить дистанционно – спасибо новейшим технологиям! – и лишь время от времени наведываться на родину. Однако вам необходимо приехать, чтобы увидеть вверенное вам имущество. Кроме того, существуют некие обстоятельства, о которых я намеренно не сообщил мистеру Балашову, – он кивнул в сторону Егора. – Это касается того, как именно погиб ваш папа.

– Погиб? – нахмурилась я. – То есть вы хотите сказать, что он умер... не своей смертью? Он что, попал в аварию?

– К сожалению, все не так просто, – вздохнул Баджпай. Он вытащил из внутреннего кармана белоснежный платок и протер взмокшую непонятно почему лысину: в помещении вовсе не было жарко. – Дело в том, что вашего отца убили, мисс Варма.

– Что-о-о?!

– Да-да, именно – убили, застрелили в его собственном кабинете. Это произошло около двух месяцев назад, и все это время мы пытались вас разыскать, ведь у господина Варма не было вашего адреса!

Это верно: едва сбежав от мужа, мама занялась переездом, боясь, как бы отец нас не нашел.

– Какой кошмар... – пробормотала я: не испытывая никаких теплых чувств к отцу, которого почти не знала, я тем не менее не могла не ужаснуться его страшной гибели. – Но какое отношение ко всему этому могу иметь я? То есть все случилось довольно давно, и я даже на похороны опоздала... Кроме того, как я понимаю, имеются и другие члены семьи?

– Номинально, мисс Варма, в данный момент главой семьи являетесь именно вы, – торжественно ответил адвокат.

– Я?!

– Вот именно. У господина Варма действительно были еще двое сыновей от второй жены.

– Были?

– Остался только один. Старший, Аамир, тоже погиб – автомобильная авария. Это стало огромной трагедией для всей семьи, потому что именно его господин Варма намеревался сделать своим наследником.

Да что же это такое – сплошные покойники! Оказывается, у меня был брат, которого я даже не знала.

– Но есть и второй сын? – уточнила я.

– Санджай. Тут имеется... проблема, – с запинкой проговорил Баджпай. – Понимаете, Санджай арестован.

– Арестован? За что?!

– За убийство вашего отца!

Еще не легче! Один родственник, получается, убит, а второй – убийца?!

– Лично я уверен, – быстро заговорил Баджпай, – что Санджай ни в чем не виноват.

Я взглянула на Егора: он сидел, подавшись вперед, и внимательно слушал – очевидно, все сказанное стало для него таким же откровением, как и для меня.

– Как видите, – продолжал адвокат, – семья Варма в данный момент весьма уязвима – преследование полиции, прессы... Вся эта шумиха вокруг уважаемого и известного семейства привела к тому, что клиники господина Варма оказались под угрозой: персонал боится за свою судьбу, понимаете? Необходимо предъявить им законную наследницу, убедить в том, что их рабочие места останутся за ними, снова наладить дело. А потом можете возвращаться домой – я отлично понимаю, что вы вряд ли сумеете резко поменять свою жизнь и перебраться в Индию навсегда.

Еще бы! В Германию, Францию, даже Новую Зеландию – еще туда-сюда, но в Индию? Это далеко не страна моей мечты, чего уж лукавить! Не то чтобы я интересовалась индийской культурой – индийские фильмы, с их бесконечными танцами, песнопениями и слезливой любовью вызывают у меня чувство глубокого отвращения, – но по телевизору я видела парочку передач. Они оставили у меня в душе неприятный осадок: грязные улицы, на которых спят худые и нищие люди, бежавшие из деревень от голода и все равно умирающие в больших городах, так и не сумев устроиться; такие же голодные коровы и собаки, бродящие между дистрофическими человеческими телами в поисках еды среди испражнений и отходов – да не дай бог оказаться в подобном местечке!

– Но я не могу сейчас уехать! – пробормотала я, судорожно размышляя над тем, как бы отбрезаться от неприятной перспективы. – У меня работа, пациенты – я не могу их бросить!

– Я настоятельно прошу вас обдумать мое предложение, мисс Варма: в конце концов, ответственность перед семьей – достаточно важная причина для того, чтобы поступиться некоторыми своими интересами. Конечно, вы совершенно не знаете этих людей, однако у вас ведь нет здесь близких родственников?

А он и в самом деле отлично информирован обо всей моей жизни!

– Почему бы вам не встретиться с теми, в чьих жилах течет та же кровь? Уверяю вас, это прекрасные люди, и они вам понравятся.

Вот как раз в этом я сильно сомневалась.

– Я пробуду в Санкт-Петербурге еще два дня, – поднимаясь, закончил свою речь адвокат. Егор также встал. – Остановился в гостинице «Эмеральд», но вы можете связаться как непосредственно со мной, – он протянул мне визитку, – так и с мистером Балашовым, который является нашим представителем.

Для меня его слова прозвучали как ультиматум.

* * *

С другой стороны, почему бы и не отвлечься на некоторое время от проблем, связанных с работой? В конце концов, я несколько лет не была в отпуске, и у меня накопилась куча дней! Пациенты, конечно, не выразят восторга по поводу моего отъезда, как и мое начальство, но... Может, мне вообще не придется больше работать, ведь я – *богатая наследница*!

Созвонившись с Баджпаи уже через день, я спросила, что нужно сделать для моего выезда. Он обрадовался моему решению и сказал, что, если у меня есть иностранный паспорт, то он возьмет оформление документов и покупку билета на себя. Весь процесс, пообещал он, займет не более двух дней. Единственное, что от меня требовалось, – это передать адвокату на время мой внутренний и иностранный паспорта.

Через сутки Баджпаи позвонил и предложил заехать к нему в отель, чтобы забрать документы: дело оказалось уже улаженным, и дата отлета пугала своей близостью. Он купил нам билеты на понедельник, а сегодня четверг, и у меня, получается, оставался всего один день на то, чтобы написать заявление на отпуск. Слава богу, главный отпустил меня, когда я сказала, что лично обзвонила пациентов и заручилась их согласием.

Вечером того же дня я поехала за паспортами. В неофициальной обстановке роскошного холла «Эмеральда», где мы с Баджпаи сидели, попивая коктейли, адвокат показал себя приятным собеседником с хорошим чувством юмора. Несмотря на то что я почти не задавала вопросов, Баджпаи рассказал мне об отце и о покойном брате Аамире. О втором брате, Санджае, он не сказал ничего, кроме того, что его, несмотря на влияние семейства Варма, арестовали и отказываются выпускать под залог. Это, по словам адвоката, из ряда вон выходящий случай в стране, где легко покупаются и продаются политики, не говоря уж о полицейских чиновниках! Баджпаи относил это за счет неопределенности в положении семьи: после гибели ее главы оно заметно пошатнулось, так как вопрос о наследстве долгое время оставался нерешенным.

– Ну теперь, уверен, все наладится, – бодро говорил адвокат. – С вашим приездом Варма восстановят свою репутацию и влияние!

Время было позднее, и Баджпаи, как истинный джентльмен, настоял на том, чтобы проводить меня до стоянки, где я оставила автомобиль. Нам требовалось преодолеть около двухсот метров и перейти улицу, что мы и начали делать, едва загорелся зеленый свет на пешеходном переходе. На нашей стороне тротуара не было никого – да что там на нашей: в половине двенадцатого ночи улицы выглядели вымершими. Падал мокрый снег, и я спала и видела, как бы поскорее добраться до дома или, по крайней мере, до теплого салона моей «девочки», где сверху ничего не капает и под ногами не хлупает грязь. В момент, когда мы с Баджпаи находились как раз посреди перехода, из-за угла вывернул потрепанный джип. Краем глаза я успела заметить, что он темного цвета, как вдруг получила довольно ощутимый удар в бок. Уже потом, задним умом, я поняла, что этим ударом наградил меня Баджпаи в попытке оттолкнуть с пути взбесившегося авто, мчавшегося прямо на меня: окажись у адвоката не столь быстрая реакция, я тем же вечером окончила бы свои дни под колесами машины. Упав, я сильно ударилась плечом и локтем, и от боли у меня на несколько секунд потемнело в глазах. Когда тьма рассеялась и я вновь получила способность видеть окружающие предметы, мой блуждающий взгляд упал на распростертое рядом тело Баджпаи. На четвереньках, совершенно не заботясь о том, как выгляжу со стороны, я подползла к нему и потрясла за плечо.

– Мистер Баджпаи... Вы в порядке?

Дурацкий вопрос, тут же сказала я самой себе – и так понятно, что нет, но я просто пыталась успокоиться. Первым делом требовалось оттащить адвоката к обочине, чтобы

кому-нибудь еще не вздумалось нас переехать. С другой стороны, это опасно, ведь я понятия не имею, какие именно повреждения получил Баджпаи... Но выхода нет, и я, стараясь действовать как можно бережнее, передвинула тело к тротуару. Затем, дрожащими руками нащупав сотовый и с трудом из-за полученного стресса вспомнив, как набирать «Скорую», проорала в трубку адрес. Вывернувшись из-за угла «Лада» притормозила, поравнявшись с нами, и вышедшая из нее женщина быстро направилась ко мне. Я вздохнула с облегчением: по крайней мере, мы уже не одни!

* * *

«Скорая» доставила нас в Мариинскую больницу. У адвоката обнаружились многочисленные переломы, трещины в ребрах и сотрясение мозга, но внутренние органы пострадали не сильно. Баджпаи оперировали несколько часов, а потом перевели в реанимацию. Ночь я провела на кушетке в коридоре, а утром позвонила Егору. Надо отдать ему должное – несмотря на выходной день и то, что я подняла его с постели в начале восьмого, адвокат примчался через полчаса. Еще через сорок минут я благословила свое решение вызвать его, так как явились полицейские для выяснения обстоятельств происшествия. Не спав ночь, я едва соображала, что за вопросы мне задают, поэтому присутствие Егора оказалось как нельзя кстати: он взял на себя объяснения по поводу того, что делает в России гражданин Индии и какое отношение ко всему случившемуся имею я.

– Что это была за машина? – выстреливал вопросами молодой лейтенант ГИБДД, еще не потерявший интереса к профессии. – Цвет, марка? Вы номера запомнили?

– Господь с вами, какие номера – у меня едва мозги не выскочили! – воскликнула я. – А машина... Помню, что джип – это точно, то ли черный, то ли синий... Стекла затемненные.

– То есть водителя вы не разглядели? – уточнил он.

– Н-нет...

– Вы можете примерно определить, с какой скоростью он двигался?

– Очень быстро, – убежденно ответила я. – И не пытался тормозить – неслись как ошпаренный! А свет, между прочим, был зеленый, и мы находились на пешеходном переходе.

– Когда это кончится, а? – возмущенно спросил Егор. – Людей давят почему зря, суды завалены исками к водителям, пьяными садящимся за руль... Куда вы-то смотрите?!

Лейтенант ГИБДД насупился и принялся ожесточенно строчить что-то в блокноте. Затем, подняв голову, он сказал, обращаясь к нам обоим:

– Что ж, будем искать лихача, хотя...

Он не закончил фразу, но и так было абсолютно ясно, что он имеет в виду: скорее всего, водителя не найдут, ведь объявлять план «Перехват» уже поздно, а спустя почти восемь часов после несчастного случая вероятность обнаружения нарушителя сводится к нулю.

К середине дня Баджпаи перевели в платную палату, и мы смогли поговорить.

– Вам придется лететь одной, – сказал он, с трудом ворочая языком: адвокату вкачали сильнейшую дозу обезболивающего со снотворным, и он едва находил в себе силы, чтобы держать глаза открытыми.

– Я никуда не полечу, – покачала я головой. – Как я вас оставлю? Если бы не вы...

– Не надо об этом! – прервал он меня. – Это был мой долг: ваш отец столько сделал для меня и моей семьи, что я был бы рад отдать жизнь за его дочь!

Мне было странно слышать столь пафосную речь от человека, едва оправившегося после операции, но я поняла, что у него, вероятно, имеется достаточно причин так говорить.

– Вы обязательно должны ехать, – немного передохнув, проговорил Баджпаи. – Мои сыновья, Арджун и Кишан, позаботятся о вас и сделают все не хуже, чем справился бы я сам.